

цузской литературой и не знавшихъ иной формы литературной дѣятельности, кромѣ той, какую видѣли тамъ. Національное самолюбіе высказывалось желаніемъ имѣть своихъ Корнелей и Расиновъ, своихъ Мольеровъ и Вольтеровъ... Упомянутая бѣдность знаній дѣлала то, что къ намъ обыкновенно запаздывали тѣ явленія, какія совершались въ европейской литературѣ. Чистый псевдо-классицизмъ былъ въ сущности уже подорванъ критикой Лессинга, распространеніемъ Шекспира, зачатками романтическаго движенія, когда у насъ онъ еще продолжалъ господствовать почти безраздѣльно.

Мало-по-малу, однако, до нашей литературы доходили новыя явленія европейской мысли и поэзіи, когда на мѣстѣ они пріобрѣтали значеніе господствовавшаго факта, бросавагося въ глаза. Такъ достигла къ намъ та французская „мѣщанская“ комедія, которая впервые нарушила условную торжественность французской драмы и сводила ее изъ придворно-классической сферы въ буржуазную дѣйствительность. У насъ узнали потомъ и Бомарше, и англійскихъ сатирическихъ журналистовъ, и драму Лессинга, и Макферсонова „Оссіана“ и т. д., обыкновенно послѣ того, какъ эти явленія пріобрѣтали уже великую славу. Съ теченіемъ времени знакомство съ европейской литературой все болѣе расширялось; конецъ XVIII-го вѣка наводненъ у насъ массой переводовъ преимущественно съ французскаго и нѣмецкаго, но при всей пестротѣ этихъ заимствованій въ нихъ была своя мысль, было логическое стремленіе удовлетворить нарастающимъ умственнымъ потребностямъ.

Передъ русскимъ образованнымъ человѣкомъ XVIII-го вѣка открывалась едва обозримая масса научныхъ и поэтическихъ явленій, которыя не могли не привлекать къ себѣ, какъ скоро мысль стала способна ихъ усвоивать. Старые зачатки знанія, передаваемые прежней литературой, были слишкомъ ничтожны, чтобы удовлетворять умъ сколько-нибудь требовательный. Знаніе историческое и знаніе природы пріобрѣтаютъ великій интересъ для первыхъ нашихъ образованныхъ людей прошлаго столѣтія. Извѣстно, что, прежде чѣмъ печатная литература стала удовлетворять этой потребности, создавалась весьма значительная литература рукописныхъ переводовъ историческихъ и политическихъ книгъ, исполнявшихся по особымъ заказамъ, — какова, напр., извѣстная и замѣчательная коллекція архангельской бібліотеки князя Голицына, временъ имп. Анны Іоанновны. Людей ученыхъ, которымъ удалось получить основательное по времени образованіе въ академіи кievской или московской, или послѣ въ академіи наукъ